

Глава 7. Пандемия как лакуна (публицистический этюд)

7.1. «Здесь» и «там»

Обобщения даются намного труднее, когда вы находитесь в гуще событий. Об этом весьма поэтично сказал Гегель¹: «сова Минервы вылетает в сумерках» (в том смысле, что философия никогда не успевает за историей). Если же говорить о себе, то, прожив четверть века «здесь», вне России, давно уже следовало бы понять, что любая попытка сравнительной оценки происходящего «там» несет на себе печать остановившегося времени. Мой ум зашорен французской действительностью, а переживания, связанные с родиной, имеют характер фантомных болей. Ментальность диаспоры чрезвычайно разнородна, здесь есть и «новоприбывшие», и скитальцы, и те, кто сделал ставку на интеграцию, но всех их, независимо от того, осознают они данный факт или нет, объединяет тональность невосполнимой утраты. Связь с метрополией, с корневыми устоями культуры принимает фантомный характер, и именно из-за этого одни эмигранты впадают в отчаянную славянофобию, другие – в прозелитизм, а третьи находят себя в патриотизме, подчас беспочвенном и гротескном².

Всепроницаемость мира – одна из самых устойчивых современных иллюзий, и нынешняя пандемия, разделившая «здесь» и «там» сплошной китайской стеной, лишь способствует укреплению фантазмагии. При этом подводная часть сетевого айсберга состоит из мотивов, ускользающих от пытливого взора или же не имеющих прямого выражения в словах. Желтизна метатекста – вот истинное мерило нашего самозабвения. (17.04.20)

1 Жизнь великого основоположника немецкого идеализма прервалась осенью 1831 года; он скончался от холеры (в том году волна пандемии докатилась сначала до Берлина, а затем перекинулась на Париж).

2 Отдельного рассмотрения в этом плане заслуживает трактовка образа Святой Руси у некоторых церковных писателей-эмигрантов, таких как А.В.Карташев и П.К.Иванов.

7.2. Гримаса мироздания

Накануне эпидемии³ я увлеченно писал о сущности так называемых «пустотных» текстов, готовясь к поездке в Тарту с докладом, которому, увы, не суждено было состояться: сначала Эстония закрыла границы, затем международное сообщение и вовсе прервалось. Все выглядело так, как если бы обобщенный «пустотный» текст⁴, в принципе не предполагавший ни автора, ни читателя, элиминировал также и своего комментатора, а заодно и ситуацию, в которой можно бы было вести о нем речь. За считанные часы умозрительный вакуум выплеснулся на улицы, овладел экранами телевизоров и прилавками продовольственных магазинов...

В лакунах пустотного текста «явь» замещается «навью», а на месте живых семантических связей сквозит сугубая неопределенность... Сегодня, когда человечество охвачено режимом принудительной самоизоляции, практически все аспекты существования наделены чертами пустотного текста. Система образования и медицина, материальное обеспечение и соборность, культурная и личная жизнь – все приобретает дистантный и отчужденный характер. «Удаленный» социум экстернализирует⁵ личность, а западный человек, воспитанный в традициях доверия к власти и законности, вынужден мириться еще и с тем фактом, что на алтарь безликой болезнетворной стихии брошены демократические ценности.

3 Те. в начале марта 2020 г.

4 В постструктуралистском понимании, как американский гипертекст Ж.Бодрийера. Далее в нашем очерке эпитет «пустотный» раскавычен.

5 Интернальность и экстернальность – предрасположение индивида к определенной форме локуса контроля. «Если ответственность за события, происходящие в жизни, человек в большей мере принимает на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями, это говорит о наличии у него внутреннего (интернального) контроля. Если же доминирует склонность приписывать причины происходящего внешним факторам – внешней среде, судьбе или случаю – это говорит о наличии у него внешнего (экстернального) контроля» – Словарь практического психолога – [Головин 1998].

На пике Черной Смерти (XIV в.) во французском городе Монпелье для борьбы с чумой практиковался любопытный обряд: сначала длинной нитью измеряли городскую стену, а затем эта нить использовалась в качестве фитиля для гигантской свечи, зажигаемой на алтаре⁶. Nohl сообщает, что первые мысли об искусственном происхождении чумы возникли в народе при виде повального бегства из городов состоятельной части населения. Поначалу народная молва подозревала богатых в том, что они сознательно травят бедных, затем обвинения обрушились на евреев и прокаженных⁷. В действительности же если случаи преднамеренного заражения и имели место, то причиной их было убеждение в том, что избавиться от чумы можно, «передав» ее другому. Поэтому больные специально толкались на рынках и в церквях, норовя задеть или дыхнуть в лицо как можно большему числу людей⁸. В европейских городах распространялись слухи о «темном князе», который врывается в города на экипаже, запряженном черными лошадьми и обещает людям здоровье при условии, что они будут обмазывать двери ядовитой мазью.

В пандемии XXI века отчетливо звучат долгоиграющие макабрические мотивы средневековья. Благоговей перед мракобесием старцев и духовников, под видом веры во Христа навязывающих ему буквальное понимание абстрактных клише (типа «болезнь есть следствие маловерия и греха»), послушник Троице-Сергиевой Лавры Дмитрий Пелипенко сжег себя заживо, когда узнал, что заразился коронавирусом (24.03.2020). Коми-Зырянский епископ-лицемер Питирим выдал благословение «всем храмам исцелять колокольным звоном», а в пастырском послании заявил: «Истинно название – коронавирус, возможно, не случайно, а связано с коронацией и возведением на престол Антихриста» (12.04.2020). Как тут не вспомнить Герцена, который, воодушевившись прочтением первых страниц «Сущности христианства» Фейербаха, с

6 [Nohl 1986, p. 145].

7 Говоря о нынешнем времени, Дж.Агамбен буквально слово в слово описывает средневековую ситуацию: «Как и во всех чрезвычайных ситуациях, реальных или смоделированных, невежественные люди снова будут клеветать на философов и негодяев, пытающихся нажать на бедствиях, которые они сами причинили» ([Agamben online] 02.05.2020).

8 Ibid, p. 141-42.

негодованием восклицал: «Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы!»⁹. Размышляя о волнах дезинформации, усиливающихся в моменты исторических экстремумов, Марк Блок¹⁰ пишет:

«Ложные новости во всем их многообразии – простые истории, обмань, легенды – наполнили жизнь человечества. Как они родились? Из каких элементов они получают свое вещество?»¹¹. «Действительность дает нам почти бесконечное множество силовых линий, которые все сходятся в одном явлении, – продолжает он в книге «Апология истории»¹². – Суеверное преклонение перед единственной причиной – это <...> лишь скрытая форма поисков виновного, а значит, суждения оценочного. <...> Историк ищет цепи каузальных волн и не пугается, если они оказываются (ибо так происходит в жизни) множественными».

Может быть, самое время собраться, сосредоточиться и, руководствуясь принципом «познай или исчезни», запечатлеть для потомков гримасу мироздания, явленную нам сегодня? Вот только, сдаётся мне, что овчинка-то выделки не стоит.

Библиография

[Блок 1973] – Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. Пер. Е. М. Лысенко, прим. А. Я. Гуревича. – М., Наука, 1973.

[Герцен 1976] – А.И. Герцен. Былое и думы. – М., Детская литература, 1976, с. 349.

[Головин 1998] – Словарь практического психолога (сост. С.Ю. Головин). — М.: АСТ, Харвест, 1998.

[Agamben online] – G. Agamben. La medicina come religione (02.05.2020) – <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-medicina-come-religione>.

[Bloch 1999] – Marc Bloch. Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre (1921). – Paris, Allia, 1999, 48 p.

[Nohl 1986] – Nohl J. La mort noire: chronique de la peste d'après les sources contemporaines. – Paris: Payote, 1986.

9 [Герцен 1976, с. 349].

10 Марк Блок (Marc Bloch; 1886, Лион – 1944, Сен-Дидье-де-Форман) французский историк, автор трудов по западноевропейскому феодализму и аграрным отношениям во Франции. Совместно с Люсьеном Февром основал журнал «Анналы» (1929). Один из основателей одноименной школы, произведшей переворот в исторической методологии.

11 [Bloch 1999].

12 [Марк Блок 1973, 103-104].

7.3. Санитарная маска и «самосознание» нации

Ношение маски или шарфа, намотанного до самых глаз, воспринимается как признак добропорядочности. От чего эти маски способны уберечь, не известно. Но, поскольку вездесущая инфекция безлика, то и образ противостояния ей должен быть соответствующим, невзирая на предупреждение Оруэлла: «Трудно сохранить непроницаемость, когда не знаешь, как выглядит твое лицо». (14.04.2020)

В названии данного раздела слово самосознание закавычено намеренно, дабы подчеркнуть небеспорность присутствия этой психологической категории в социально-политическом контуре. Пожалуй, наиболее оригинальный вариант такого рода понятийных включений представлен в персонализме Н.О.Лосского, утверждавшего следующее:

«Государственно оформленный народ может умереть: душа народа может покинуть его, и государство распадется, нация сойдет со сцены, как было с Ассирией, Афинами и т.п. Не всегда такая перемена заметна извне; душа народа может покинуть его, но другой субъект может подчинить себе людей, входивших в его состав, и вновь образовать государство. Карсавин полагает, что Россия, например, несколько раз меняла своего субъекта – в начале XVII в., в Смутное время и в XX в. во время большевицкой революции»¹³.

Если в XIX веке маска национального самосознания была обклеена страницами газет и журналов, то сегодня ее подсвечивает спящая пустота софитов масс-медиа. У одного полузабытого классика антиутопии есть описание выборочного зомбирования населения при помощи так называемых «идеомоторов»:

13 [Лосский 1992, с. 65-66].

«Если ударом воздуха можно сорвать с головы шляпу и мчать ее впереди меня, то отчего не сорвать, не выдуть из-под черепа управляемым потоком эфира все эти прячущиеся по головам психические содержания; отчего, черт побери, не вывернуть все наши in в ex?»¹⁴.

Хотелось бы все-таки понять, как удастся государству столь эффективно клонировать умонастроения масс, жестом фокусника превращая пожелтевший *actus morbi* в *libellum immortalitatis*¹⁵?

Пытаясь примерить к себе национальное самосознание, спустившееся к нему с небес в виде золушкиного башмачка, народ рано или поздно оказывается пригвожденным к Прокрустову ложу. (14.04.2020)

Библиография

[Кржижановский 1990] – Сигизмунд Кржижановский. Клуб убийц Букв. – В книге: Возвращение Мюнхгаузена. Сост. В. Перельмутер. – Л., Худ. Лит., 1990, с. 245-46.
[Лосский 1992] – Н.О.Лосский. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М., Прогресс, 1992.

14 [Кржижановский 1990, с. 245-246].

15 Свидетельство о смерти – свидетельство бессмертия.

7.4. Doctor Schnabel

Доктор Шнабель. Фрагм. гравюры XVII в.¹⁶

В 70-е годы прошлого века в подростковом сленге Крайнего Севера¹⁷ фигурировало немало загадочных слов и выражений. Так, лицо называлось «пáчкой», на вопрос «кто?» полагалось отвечать: «дед Пихтó», а словечко «шнопáк» (или «шнóбель») применялось для обозначения носа. Этот детский арготизм возник, очевидно, вследствие лексических излучений ГУЛАГа (дело в том, что наш городок был окружен режимными объектами, да и построен-то он был в 1950-е гг. руками заключенных), а ГУЛАГ в свою очередь отфильтровал слово «шнобель» из лексикона ссыльных немцев Поволжья. Отсюда ниточка тянется к немецким народным прибауткам XVII века, в которых инфляцию – неизбежную спутницу эпидемии чумы – олицетворяет страшный доктор Шнабель. На медной гравюре, изготовленной в Риме (P.Fürst, 1656), можно прочесть октосиллабические рифмованные куплеты в жанре

¹⁶ См.: Die Karikatur und Satire in der Medizin: Medico-Kunsthistorische Studie von Dr. E. Holländer, 2ed. (Stuttgart: Ferdinand Enke, 1921), fig. 79 (p. 171).

¹⁷ Мои детство и юность прошли в Коми-республике (г. Печора).

макаронической сатиры¹⁸: «Vos Creditis, als eine Fabel, quod scribitur vom Doctor Schnabel» (Ваши сбережения – это небылица, сочиненная доктором Шнабелем). «Костюм чумного доктора, – пишет [Картохин online], – представлял собой длинный, почти до земли, халат из накрахмаленного льна, длинные перчатки и высокие сапоги». Самая запоминающаяся деталь облачения ассоциировалась именно с носом, вернее, с клювом.

«Маску в форме птичьего клюва, – продолжает [Картохин online], – набивали травами, ароматическими веществами и чесноком. Все облачение было призвано оградить врача от «миазмов». Помогал такой костюм слабо, и врачи умирали не реже, чем пациенты. Чумным докторам, правда, хорошо платили городские власти, поэтому те, кто был готов рисковать своей жизнью, всегда находились. В основном речь шла о бедных выпускниках медицинских факультетов или о врачах, которые не снискали славы в «мирное» время».

В своей книге «Страх на Западе» (1978) историк религии Жан Деломо утверждал, что именно Черная смерть оказала огромное влияние на всю европейскую цивилизацию. Деломо подчеркивал, что за случайными проявлениями страхов – от боязни темноты и опасливого отношения к соседу или иностранцу до «страха больших чисел», присущего средневековому человеку, стоят механизмы воображения и мышления, общие для разных культур. В XIV веке на Западе установился специфический «климат страха», который лишь усилился во время последующих вспышек чумы в Венеции (1630), в Лондоне (1665), в Арле, Марселе и Лангедоке (1720).

Библиография

[Картохин online] – К.Картохин. И тогда пришла черная смерть... – <https://tech.onliner.by/2020/02/08/black-plague>.

Jean Delumeau, La Peur en Occident (XVIe - XVIIIe siècles). – Paris, Fayard, 1978.

18 Макароническая поэзия – шуточные стихи, написанные смешанным жаргоном, в котором слова местного языка чередуются со словами языка чужого и подчиняются его морфологическим законам. Подобное смешение, так сказать «французского с нижегородским», создает эффект неожиданного контраста, который уже сам по себе обуславливает смехотворное воздействие.

7.5. Умственные эпидемии (Латинский квартал)

Моя приятельница, интеллигентная дама очень преклонного возраста, давно уже тешит себя мыслью о том, что к ее столетнему юбилею парижская мэрия вручит ей подарок и почетную грамоту. Эта мечта придавала ей сил и в некотором смысле даже составляла содержание жизни. Каково же было ее разочарование, когда – всего за несколько дней до вожделенной даты – и почта, и мэрия закрылись «до особого распоряжения»! «У нас отобрали последнее, что могли взять – наше достоинство, – заявила она мне по телефону. – Даже немцы в 39-м году так себя не вели». (21.03.2020)

Каждый четверг я выезжаю на электричке из пригорода, объясняюсь с полицейским кордоном на Лионском вокзале и, перейдя через Сену по Аустерлицкому мосту, попадаю в заповедные кущи Латинского квартала, где живет моя подопечная, мадемуазель Робер. В названиях здешних улиц увековечены имена великих естествоиспытателей прошлого: натуралиста Жана-Мари Добантона, эмбриолога Шарля Мирбеля и графа Буффона, создателя Ботанического сада (Жардан-де-Плант) и Музея естественной истории. Заготовив себе рукописные пропуска, мы выходим с мадемуазель Робер на прогулку, всякий раз по одному и тому же маршруту. Улица Арбалет, где в прошлом году кудесник массажист за три сеанса избавил мою визави от нестерпимой боли в коленях. Воскресный рынок на улице Муфтар, лотки с клубникой и персиками. Детская площадка, притулившаяся под боком церкви святого Медара – в эпоху Людовика XV здесь было кладбище, и именно в этом месте происходили радения парижских «конвульсионеров», подробные описания которых перекочевали из книги Карре де Монжерона «Convulsions de temps» в психиатрический трактат Поля Реньяра «Умственные эпидемии». (06.05.2020)

Церковь святого Медара – вид со стороны детской площадки
(в XVIII в. здесь располагалось кладбище, на котором
был захоронен дьякон Франсуа де Пари)

Поселившись в маленькой комнатке на улице Арбалет, дьякон Франсуа де Пари, сознательно подвергавший себя всякого рода истязаниям, заболел костоедой (остеоангренa), от которой и скончался первого мая 1727 года в возрасте 37 лет.

«Дьякона похоронили третьего мая на маленьком кладбище Сен-Медар, – сообщает Поль Реньяр. – В тот же самый день одна мотальщица шелка по имени Мадлен Беньи, страдавшая параличом левой руки <...> нагнулась, чтобы потереть руку о гроб, прежде чем на него возложат покров. Затем пришли священники, чтобы забрать тело, а больная отправилась к себе домой. Когда она вошла в свою комнату, то сразу принялась разматывать шелк обеими руками. Ее болезнь прошла окончательно и бесповоротно». «Все сказанное мною об истерическом параличе и способе его исчезновения, – добавляет Реньяр, – не может оставить в уме читателя и тени сомнений»¹⁹.

19 См.: [Реньяр 2004 online], глава «Сен-Медарские явления».

Сен-Медарское кладбище превратилось в 1732 году в место сбора истеричных особ со всего Парижа. Известный популяризатор Луи Фурье описывал его следующим образом.

«Здоровые и больные – все <...> конвульсировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла. Всю площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц занимала масса девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсирующих как бы наперегонки друг перед другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие, немного дальше, глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли, там женщины ходят на голове с той степенью скромности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударить их по животу и остаются довольны только тогда, когда одновременно 10 или 12 мужчин обрушиваются на них всей своей тяжестью. Люди корчатся, извиваются и двигаются на тысячу различных ладов... Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно сцены страданий Спасителя. Среди всего этого нестройного шаша слышатся только стоны, пение, рев, свист, декламация, пророчества и мяуканье. Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешеран, который, чтобы быть на виду у всех, стоит на могиле. Здесь он ежедневно совершает с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое па – знаменитый скачок карпа (saut de carpe), неизменно вызывающий восторг у зрителей»²⁰.

Людовик XV, которому наскучили шум и огласка, производимые «конвульсионерами», решил прекратить эпидемию безумия. Он издал указ о закрытии Сен-Медарского кладбища (могила Франсуа де Пари была уничтожена); советника Карре де Монжерона, посвятившего этой эпидемии трехтомное сочинение, заточили в

Бастилию, а наиболее активные «радетели» (по преимуществу женщины) были подвергнуты принудительному лечению в парижских клиниках.

Конвульсивные формы народного благочестия по-прежнему очень живучи; Ватикан к подобным чудесам относится весьма скептически, а их закулисная подоплека блистательно описана в книгах Умберто Эко. Инспирируя такого рода явления, устроители чудес, вероятно, оправдывают себя «благой целью», полагая, что они привлекают народ в храмы и тем самым приумножают веру. Но, как верно подметил В.Набоков, «благая цель, оправдывая дурные средства, только выдает свое роковое с ними сродство».

Библиография

[Реньяр 2004 online] – Поль Реньяр. Умственные эпидемии. Историко-психиатрические очерки. Перевод с французского Эл. Зауэр. Печатается по изданию Ф. Павленкова 1889 года. – М.: Emergency Exit, 2004. – <http://psylib.org.ua/books/renya01/txt00.htm>.

7.6. Голоса книг

Ах, как хотелось бы отгородиться от мира книжными стеллажами и там, в податливой тишине составленных в ряды содержаний, перечитать какое-нибудь произведение – «Женитьбу Фигаро», к примеру, а еще лучше – «Осень Средневековья», мысленно предпослав ей усеченный эпитаф из Пушкина: «Унылая пора (точка)».

На карантине личностный голос пропадает, вернее, его звучание поглощается толщей лакуны, и со стороны кажется, что говорит не сам субъект, а его пустотный безэквивалент, наделенный какой-то особой, пандемической речью. «А чего же вы хотели, батенька, – спрашивает с книжной полки Годунов-Чердынцев, вежливо покашливая в рукав, – чего же вы хотели при таких условиях, когда даже *роща золотая* заговорила этим языком?». На другой полке с немим укором смотрит на нас Виктор Давидович Іванів. «“Голос” понимается нами сквозь призму Откровения, – шепчет он, – а текст Откровения есть противоположное тексту Деррида»²¹.

.....

На что же в первую очередь следует обратить внимание «текстологу» пандемической повседневности? На административный указ, обязывающий граждан к ношению масок даже на лоне природы, в лесах и парках? На беспомощность естественно-научного сектора в лице медицины и фармакологии, или на очередное обострение язычества и солдафонства в церковной сфере? Может быть, на «железный занавес» и унылые лица политиков, обеспокоенных только тем, что их власть утекает сквозь пальцы к стихиям и биологическим субстанциям?

21 [Іванів online].

«На улице, – пишет антрополог Бруно Латур, – правят бал полиция и сирены машин скорой помощи, а тем временем люди, запертые в четырех стенах, коллективно воспроизводят карикатурную форму “биовласти” – в точности ту, которую описывал <...> Мишель Фуко»²².

Дж. Агамбен в своих заметках о том, как современный мир проходит через испытание кризисом, говорит об «исчерпанности церкви»: «Религиозная потребность общества разминулась с Церковью, и в потемках, на ощупь пытается отыскать новое место»²³. Под покровом фатальной эпидемиологической неопределенности, там, где об истину и реальность в очередной раз сошлись в душераздирающей пляске смерти, Вера и Знание движутся навстречу друг другу как два слабовидящих, с фонарями в руках.

Библиография

[Іванів online] – В.Іванів. Естественный свет и "оптический обман". - <http://www.dragoman.narod.ru/vh/ivaniv.html>.

22 См. статью в газете «Le Monde» от 25.03.2020: Bruno Latour. La crise sanitaire incite à se préparer à la mutation climatique.

23 См.: <http://artos.org/articles/chuma-i-mir-agamben>.